Что думают грузинские политики о Мирной политике Грузии на фоне российско-украинской войны?

В связи с отсутствием публичного обсуждения и предметного рассмотрения этих вопросов, а также из-за высокого интереса к ним со стороны обществ по обе стороны разделительной линии, предлагаем статью, основанную на интервью с грузинскими политиками. Цель статьи – показать, что думает основной политический спектр о Мирной политике Грузии в контексте продолжающейся войны, как они связаны с процессом восстановления отношений с конфликтными регионами и процессом трансформации конфликта, и каков их главный посыл для абхазского и осетинского обществ.

Агрессивная война Российской Федерации в Украине вызвала ряд вопросов в грузинском обществе относительно влияния этой войны на грузино-российские отношения, а также на трансформацию грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов и на Мирную политику в целом. К сожалению, несмотря на критическую важность этих вопросов, их обсуждение в грузинском политическом спектре и обществе не вышло за рамки политических спекуляций и партийных противостояний, не приняло форму широких общественных дискуссий; не были созданы процессы делиберации и многостороннего диалога даже на уровне властей. В целом обсуждения и политика, связанные с Мирной политикой, носят непубличный, закрытый характер, что не только затрудняет выстраивание вокруг нее консенсуса, но и создает риски и негативный опыт ее исчезновения из политической и общественной повестки. Перспективы, заботы и голоса абхазской и осетинской общин полностью исчезли из грузинского общественного и политического поля.

Кроме того, российско-украинская война и связанное с ней международное давление подняли ряд вопросов о том, какой будет политика России в отношении Абхазии и Южной Осетии, например, уменьшится ли влияние, и поддержка России в этих регионах по мере мобилизации ее ресурсов в Украине или, наоборот, попытается скрыть поражение, понесенное в продолжающейся войне с Украиной, за счет усиления и капитализации своего влияния на Южном Кавказе. При первом сценарии возникают вопросы и к Грузии: создает ли фокус России на Украине шанс для Грузии восстановить отношения и сотрудничество с конфликтными регионами?! Заявление России о сокращении субсидий признанным политическим режимам также вызвало подобные вопросы. Большое недовольство в Южной Осетии было вызвано фактами призыва местных жителей на украинский фронт, а также, в связи с выводом российских войск из этого региона в Украину. На фоне войны, в Абхазии и Южной Осетии участились провокационные кампании по поводу военной эскалации со стороны Грузии. **Ни одна политическая группа в Грузии не поддерживает решение конфликтов военным путем, о чем свидетельствуют эти записанные интервью с политиками.**

В интервью приняли участие представители основных политических партий, как из правящей политической команды, так и из оппозиции. В частности, от правящей политической партии участвовал первый заместитель председателя парламента Гия

Вольский. Также были записаны интервью с представителями ведущих оппозиционных партий: депутатом Теоной Акубардия от «Стратегии Агмашенебели», депутатом Хатией Деканоидзе от «Единого национального движения», Гигой Бокерия, лидером партии «Европейская Грузия», который в 2010-13 годах был секретарем Совета национальной безопасности, а до этого вице-президентом Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), а также первым заместитель министра иностранных дел Грузии; Давид Бердзенишвили, один из основателей Республиканской партии, который также был депутатом парламента разных созывов; Партия «За Грузию», представитель, депутат Георгий Ходжеванишвили. Эта партия была основана бывшим премьер-министром Грузии Георгием Гахария в 2021 году после его отставки; Представителем партии «Лело» является Григол Гегелия, которая была основана как политическая организация в декабре 2019 года.

1. Как бы вы оценили Мирную политику Грузии на сегодняшний день, каковы ее основные вызовы и достижения?

При оценке Мирной политики все опрошенные политики считают, что эта политика не успешна и ситуация сложная, однако при анализе причин этого и оценке текущих вызовов их мнения часто не совпадают друг с другом. Следует отметить, что, несмотря на различные мнения и оценки относительно причин конфликта и путей его трансформации, все политические партии разделяют перспективу только мирного разрешения конфликтов.

Анализ одного из лидеров Республиканской партии Давида Бердзенишвили особенно интересен в отношении причин, вызвавших конфликты и мирного процесса, организованного после конфликтов. По его мнению, главное и существенное в грузино-абхазском конфликте то, что при распаде Советского Союза у обоих обществ были разные национальные проекты, и в триаде Тбилиси-Сухуми-Москва две стороны, выступавшие вместе против третьей, были победителями. В интервью Давид Бердзенишвили детально напомнил об исторических процессах, происходивших в XIX веке, когда Тбилиси и Москва вместе выступили против Абхазии. Он вспоминает Мухаджирство, когда Российская империя сослала абхазов, как «народ-предатель», вместе с другими северокавказскими народами в Османскую империю. Интересен и тот факт, что в периоде середины 19 века место переселенных абхазов в значительной степени заняли грузины и таким образом было создано множество грузинских селений в Очамчире, Гулрыпше и других местах. На вопрос, почему на фоне этих трагических событий абхазы стали пророссийскими, Давид Бердзенишвили объясняет, что в конце XIX века абхазы осознали, что грузины представляют для них большую угрозу, чем русские. В то же время у ослабленной абхазской нации не было ресурсов для противодействия России, поэтому она была нужна ей скорее, как союзник, чем как враг. Кроме того, притеснение абхазов во времена Советского Союза ассоциировалось с номенклатурой Сталина-Берия, которые были грузинами, и именно в их время в Абхазии происходила демографическая экспансия и расселение грузин. К этому добавились репрессии 1930-х годов, которые для малочисленного числа абхазов были еще более болезненными, чем для грузин. В этот же период шел процесс введения обязательного грузинского образования в абхазских школах, когда абхазские дети не знали грузинского (лучше знали мегрельский) и не могли изучать другие предметы на грузинском языке. По словам Давида Бердзенишвили, абхазские националисты оценивали 1930–40–50-е годы как «этно-большевистскую политику», которая была направлена на грузинизацию абхазов.

Бердзенишвили напоминает, что абхазы столкнулись с серьезным демографическим кризисом на фоне экспансии грузинского населения в Абхазии. Они составляли лишь 18% от всего населения региона, в то время как грузины составляли 45%, а остальное население составляли другие народы, в том числе греки, армяне и русские. Вот почему грузины составляли большинство в основных самоуправлениях. По его словам, после смерти Сталина Сухуми вздохнул с облегчением, потому что Москва изменила свою ориентацию и перешла на сторону Сухуми против Тбилиси. По словам Давида Бердзенишвили, Москва всегда меняла свою ориентацию в угоду своим интересам, и с такой игрой мы имеем дело к сегодняшнему дню.

По словам Бердзенишвили, этнонационализм, лидером которого был Гамсахурдиа, победил либеральные взгляды, представленные обществом Зураба Чавчавадзе, Республиканской партией. В 1980-х и 1990-х годах разгорелся межэтнический конфликт, вылившийся в войну 1991 и 1992 годов и выселение грузин из Абхазии.

Давид Бердзенишвили вспоминает, что после войны Республиканская партия активно включилась в процесс диалога, было несколько реальных шансов, что этот конфликт будет разрешен за счет сохранения Абхазии в составе государства Грузия, за счет предоставления ей суверенитета на уровне конституции Грузии, которой будут делегированы все важные государственные функции. Эти инициативы были согласованы с тогдашней абхазской интеллигенцией, движением «Аидгылара». Однако эта инициатива была заблокирована консультативным советом премьер-министра Сигуа, а затем и Шеварднадзе.

По словам Бердзенишвили, после этого диалоговые форматы все же продолжались до 2004 года, однако прорыва с политической точки зрения не произошло. Последний раз был в Австрии, т.н. «Шлайнингском Процессе», который был закрытым и, следовательно, более искренним. Однако после «революции роз» при новой власти эти форматы сначала сократились, а потом прекратились. Единственным человеком, который изначально работал над двусторонним диалогом, был Ираклий Аласания, хотя он не имел необходимой поддержки из центра. По словам Бердзенишвили, после 2008 года процесс замер, и никакого продвижения в политическом направлении не произошло. Усилия Пааты Закареишвили в качестве государственного министра, в направлении двустороннего диалога, были лимитированы только здравоохранением и отдельными гуманитарными проектами, и ему не удалось добиться прорыва в политических вопросах.

Позиция лидера партии «Европейская Грузия» Гиги Бокерия радикально отличается от этой оценки. По словам Бокерии, в архитектуре переговоров, созданной для урегулирования конфликтов в начале 90-х годов, России отводилась роль посредника, а ее вооруженные силы контролировали ситуацию в конфликтных регионах под формальным статусом «миротворческих сил». В такой ситуации на международном уровне было декларировано, что конфликт идет между центральной властью и сепаратистами, а Россия представлена как миротворческая сила. По его оценке, такая архитектура, созданная для урегулирования конфликта, нанесла ущерб национальным интересам страны. В то же время было инфантильно и иллюзорно полагать, что этот диалог приведет к каким-либо результатам, когда Россия играет ключевую роль в регионе. По оценке Гиги Бокериа, в тот период, когда Россия была ослаблена, она смогла сохранить контроль над Грузией без собственных политических потерь и использовать подобные конфликты для их дестабилизации. С 2005 года новая власть начала разрывать архитектуру, а это означало, что Россия должна была лишиться статуса миротворца. Бокерия считает ошибкой тогдашней власти то, что они не

смогли полностью раскрыть лицо российского режима и что форсированную Россией анатомию не удалось сломать после 90-х. По мнению Бокериа, усилия правительства того времени по разрыву этой архитектуры (лишение статуса миротворческих сил для России) могли бы быть более успешными, если бы правительство поставило этот вопрос вместе с вопросом о взятии в одностороннем порядке обязательства о неприменении силы, которое Россия снова запросила через Сухуми и Цхинвали. Это обязательство ранее было включено в Сочинское соглашение в пакете вместе с возвращением ВПЛ. Однако в дальнейшем Россия потребовала взять на себя неприменение силы без вопроса о возвращении ВПЛ, что, по мнению Бокерия, было совершенно неприемлемо для грузинской стороны.

По его словам, августовская война не является окончательным результатом провала тогдашней Мирной политики, а скорее результатом неспособности Российской Федерации другими инструментами остановить движение Грузии в сторону Европы, и в конце концов было решение вмешаться военными методами. Несмотря на то, что архитектура, созданная после 90-х годов, рухнула, а Россию никто на международном уровне не рассматривает в качестве миротворческой силы, в конечном итоге это не означает хорошего результата для страны, ведь конфликты до сих пор не урегулированы и ситуация в конфликтных регионах остается тяжелой.

Гига Бокерия оценивает период после 2012 года как попытку вернуться в 90-е, что для него означает возврат к иллюзиям. Он считает ошибкой смещение акцента с российского фактора на внутреннюю, этническую сторону этого конфликта. По словам Бокерия, в то время как на Россию должно быть оказано максимальное международное давление, г-н Паата Закареишвили открыто заявил, пока он находится на посту госминистра, Грузия не должна быть предметом противостояния Запада и России. На фоне продолжающейся агрессии России это приводит к уменьшению поддержки Грузии со стороны Запада. По мнению Бокерия, политика примирения в сложившихся обстоятельствах бесполезна, поскольку российский фактор является решающим во всех направлениях.

По словам первого заместителя председателя парламента Гии Вольского, одним из основных вызовов является информационный вакуум на территории Абхазии и Цхинвальского региона, а это означает, что проживающее здесь население имеет ограниченную информацию о том, что происходит в остальной части Грузии. Однако, несмотря на то, что информационные средства ограничены, существует информационное поле, то есть те люди, которые перемещаются на подконтрольную территорию и передают информацию в Абхазию и Цхинвальский регион. По словам Гии Вольского, таких людей много, особенно тех, кто пользуется программами здравоохранения, а также студентов.

По словам Вольского, грузино-абхазским отношениям наносит вред решение, т.н. нового министра иностранных дел Абхазии Инала Ардзинба, об ограничении гражданских проектов, связанных с грузино-абхазскими отношениями. Несмотря на то, что гражданские организации Абхазии встретили это решение с неудовлетворением, в будущем оно создаст серьезные проблемы для этих отношений и поставит новые вызовы.

Гия Вольский приводит несколько причин, по которым восстановление территориальной целостности силой со стороны Грузии исключено. По его словам, несмотря на то, что существуют разногласия по поводу того, как разрешать конфликты, какое у нас должно быть государственное устройство и т.д. согласие относительно значения мира действительно

существует: *«Нашим детям нельзя позволять смотреть друг на друга через стволы орудий, и никакие результаты не могут оправдать кровь и слезы, которые это может нам принести»*. По его словам, любое противостояние вскроет раны войны между нашими народами и сделает невозможным их совместное проживание в будущем. По мнению Вольского, политика государства всегда будет основываться на принципах восстановления доверия и на цели восстановления отношений. Кроме того, он называет прагматические причины, по которым начало военных действий исключено. По его словам, это нанесет ущерб критически важным инфраструктурным и экономическим проектам, реализуемым в стране. Кроме того, Грузия является единственным альтернативным коридором между Европой и Азией, помимо России. Поэтому для всех важно сохранить стабильность и мир в Грузии.

Что касается перевода конфликтов Грузии в международное измерение, Гия Вольский отмечает, что до 2006 года были реализованы важные проекты в направлении сотрудничества по экономическим и социальным вопросам, продолжались двусторонние переговоры по политическим вопросам. Он критикует радикальную политику Национального движения, которое сломало эти форматы и довело ситуацию до военного противостояния.

Нынешнюю ситуацию критически оценивает парламентарий Теона Акубардия от партии «Стратегия Агмашенебели», которая делит существующие вызовы на три направления, вокруг которых, по ее мнению, должна развиваться Мирная политика государства: 1) деоккупация и пути сотрудничества с оккупированными регионами; 2) население, проживающее вблизи линии оккупации, и ряд стоящих перед ним социальных и связанных с безопасностью вызовов; 3) вопрос аннексии конфликтных регионов. По словам Теоны Акубардия, сегодня ни по одному из этих направлений работы не ведется. Нет политической воли для запуска процессов, у нас нет государственной стратегии. Процесс обновления стратегии взаимодействия, принятый в 2010 году, начался в прошлом году, и такими темпами он не будет развиваться в срок. Между тем мы теряем решающее и важное время, особенно в создавшейся геополитической ситуации.

С другой стороны, Теона Акубардия констатирует, что существуют критические вызовы для населения, проживающего вблизи линии оккупации, 46 000 человек, 115 сел, где Россия создает зоны страха. То, что правительству удалось сделать до сих пор - придать этим регионам статус «горной зоны», что означает определенные финансовые льготы для местных семей. Однако в условиях ползучей бордеризации эти люди по-прежнему находятся в тяжелом социальном положении.

В то же время, по словам Акубардия, правительство ничего не делает против аннексионной политики России, в то время как в Цхинвали открыто заявляют о присоединении к России, заявления МИД Грузии не делал, как и не начиналось обсуждение этой темы на парламентском уровне.

На этом фоне она отмечает, что сегодня Грузия не может позиционировать себя на международном уровне, когда российская агрессия направлена против Украины, Запад ориентирован к этим вопросам, и есть возможность, что Грузия включит в этот контекст вопрос своей безопасности.

Представитель партии "Лело" Григол Гегелия разделяет мнение Теоны Акубардия о том, что нет политической воли к переменам, в то время как правовая и гуманитарная ситуация в конфликтных регионах и их окрестностях тяжелая. Он вспоминает случай, когда

председатель правящей партии «Грузинская мечта» заявил, что не посещал разделительные линии. При этом он подчеркнул, что руководящую команду не интересует, что происходит на линии оккупации, как там живет население. По его оценке, сегодня риторика и практика внешней безопасности страны полностью не работает, у нас нет рамок и стратегии национальной безопасности, нет политической воли для трансформации конфликта, диалога и видения того, как должна развиваться политика страны в этом направлении.

По словам Георгия Ходжеванишвили, члена партии «За Грузию», в сложившейся ситуации настораживают продолжающиеся процессы бордеризации и оккупации, которые сопровождаются практиками похищений, задержаний и бесчеловечного обращения. В дополнение к этому сложному контексту безопасности Ходжеванишвили упоминает вторую основную проблему, которая проявляется в отсутствии общей мирной политики, стратегии и политически консолидированного видения. По его словам, в геополитической ситуации, сложившейся на фоне российско-украинской войны, когда открылись многие окна международной дипломатии, страна не может использовать эти возможности. По его оценке, это ошибка, когда в процесс работы над новой стратегией не вовлечен широкий политический спектр, потому что должен быть высокий политический и общественный консенсус по важному вопросу, представляющему национальный интерес.

Хатия Деканоидзе, член «Единого национального движения», разделяет мнение, что вопрос продолжающейся оккупации в Грузии и угрозы со стороны России не актуален на международной арене, что является целенаправленной политикой правящей партии. По ее словам, сегодня на международном уровне появился ряд возможностей, которые дают возможности для преобразования Мирной политики Грузии. Однако в условиях, когда усилилось давление Запада на Россию и можно рассматривать и Грузию под общим зонтиком безопасности Украины, сегодня этот вопрос вообще не стоит на повестке дня. С другой стороны, Деканоидзе заявляет, что необходимо развивать интеграционное направление, в рамках которого жителям Абхазии и Южной Осетии будут предложены различные проекты и они увидят реальную поддержку со стороны Грузии.

2. Какой должна быть Мирная политика Грузии в нынешнем геополитическом положении?

По словам Гии Вольского, для реализации Мирной политики нужны форматы двустороннего диалога с де-факто режимами, что не приведет к международному признанию, поскольку международно-правовые и политические позиции относительно признания однозначны. Хотя Россия не допустит таких переговоров, необходимо иметь такое предложение с нашей стороны. Вольский поясняет, что практика таких формальных переговоров существовала до 2006 года, когда не были указаны политические регалии и было реализовано множество сотруднических проектов. По его оценке, стратегия взаимодействия на 2010 год представляет собой список пожеланий, которые не могут быть реализованы на практическом уровне. Поэтому новая государственная стратегия должна быть реалистичной и прагматичной.

Теона Акубардия вновь повторяет, что видение государства должно быть консолидировано и конкретизировано по трем важным проблемам 1) Как добиться деоккупации и сотрудничества с конфликтными регионами 2) Как остановить процессы аннексии России и 3) Как поддержать население, проживающее вдоль разделительных линий, и остановить процесс бордеризации. Благосостояние людей в этих деревнях должно быть примером для людей, живущих в конфликтных регионах, того, что мы можем им предложить. По словам Акубардия, разговоры о повышении уровня переговорщиков в формате женевских международных переговоров ведутся с 2016 года, но безрезультатно. По ее мнению, на фоне

российско-украинской войны реальность радикально изменилась, и шансы на то, что Россия ослабнет, высоки. Это, в свою очередь, дает возможность предпринять ощутимые шаги по деоккупации. Это требует политической воли и консенсуса. Поскольку территориальная целостность является предметом национальных интересов, в этом отношении необходимо иметь консолидированное видение. Акубардия напоминает об инициативе президента Гиоргия Маргвелашвили обсудить деоккупацию со всеми партиями для создания единого видения. Единственной партией, которая не пришла на эту встречу, была «Грузинская мечта». Помимо работы, направленной на достижение политического консенсуса, Теона Акубардия подчеркивает важность продолжения гражданского диалога, который, по ее мнению, также слабо поддерживается правительством. Помимо неформального диалога, необходим формальный диалог, и его возможности возросли в сегодняшних геополитических реалиях. По его словам, у Аслана Бжания было предложение о диалоге, но ответа с нашей стороны он не получил, что еще раз раскрывает проблему отсутствия политической воли.

Григол Гегелия также подчеркнул критическую важность неформального диалога. По его словам, контакты и коммуникация между людьми, особенно среди молодежи, практически отсутствуют: *«Нам нужно как можно больше общих форматов диалога, чтобы иметь какие-то изменения в Мирной политике»*. Григол Гегелия не согласен начинать формальный диалог, то есть диалог между официальными лицами в Тбилиси и представителями де-факто правительств. По его словам, она содержит риски, связанные с признанием. Кроме того, в условиях эффективного контроля России он не может себе представить, чтобы лидеры Абхазии и Цхинвальского региона могли принимать решения самостоятельно, потому что они абсолютно недемократичны и несамостоятельны. Однако он не исключает диалог между политическими классами, поскольку это не носит формального характера. Гегелия также подчеркивает необходимость углубления проектов как социальных, так и в области здравоохранения. По его мнению, это самое главное для трансформации конфликтов, потому что, с одной стороны, мы будем способствовать достижению общего благополучия, а с другой стороны, это поможет нам распространять правильное содержание в конфликтных регионах, о том, что мы строим общее государство, с общими социальными благами и перспективой европейского будущего.

Гига Бокерия считает, что только после устранения российского фактора любой двусторонний диалог с конфликтными регионами будет эффективным, до тех пор эти процессы будут ошибкой как в моральном, так и в прагматическом плане. С другой стороны, по его мнению, диалог не имеет смысла, когда между сторонами нет согласия по базовым ценностям. В то время как в Абхазии преобладает полностью этноцентрический национализм, где считают, что люди, которые являются этнически абхазами, имеют права, а все остальные этнические группы имеют права разного ранга. Пока господствует мнение, что кровь является решающим фактором для предоставления прав, диалог не будет иметь смысла. Гига Бокерия не уверен, что в Абхазии и Цхинвали увидели злое и бесчеловечное лицо России даже на фоне войны в Украине. Потому что при развале СССР у них был шанс отличить зло от добра, но они оказались не на той стороне истории. Бокерия считает, что такого изменения еще не произошло ни в одном регионе и его обществе, и диалог здесь будет только и только фарисейством. Таким образом, пока Россия является ключевым игроком в сфере безопасности, и где полностью смешены ценности в обществе, добиться перемен будет невозможно. Поэтому, по его мнению, пока российский фактор не расшатается, мы должны продолжать строить государство, основанное на гражданских ценностях, где защищаются

права и свободы, которое является частью Запада и имеет гражданско-национальный подход, а не этнический и племенной. По словам Бокерия, в первую очередь должна состояться наша государственность, а если этого сделать не удастся, то и говорить о диалоге не имеет смысла, у нас будет только хаос и беспорядок. Параллельно со строительством такого государства, по его мнению, следует продолжать проекты экономического и социального характера, и это будут инвестиции, которые осядут и где-то обязательно дадут результат. По его мнению, такие инвестиции оправданы, поскольку они продемонстрируют, что Грузия – страна, где возможности есть у каждого.

Георгий Ходжеванишвили и Хатия Деканоидзе считают, что в создавшейся геополитической ситуации мы должны использовать пути и рычаги международной дипломатии для решения проблемы оккупации и ослабления влияния России в конфликтных регионах. Ходжеванишвили считает, что правительству крайне важно иметь консолидированное видение и проактивно использовать дипломатические методы. Мы также должны использовать созданное сейчас окно возможностей и больше сотрудничать с де-факто регионами, и иметь больше предложений для сотрудничества в различных сферах. Хатия Деканоидзе также видит решение в активизации вопроса оккупации Грузии на международном уровне и в активной дипломатии, а также в инициировании проектов двустороннего сотрудничества с конфликтными регионами.

Давид Бердзенишвили также считает, что на фоне ослабления России необходимо начать содержательный, реальный диалог с абхазами и Южной Осетией о едином государстве с общим благополучием. Он считает, что для новой фазы диалога потребуются годы, чтобы достичь результатов, но это необходимый процесс, прежде чем мы снова привыкнем друг к другу и восстановим связи. Также, по его мнению, следует придать вес застывшей формуле Евросоюза «взаимодействие через непризнание» и открыть абхазам и осетинам дорогу в Европу, для этого должен быть найден нейтральный механизм. По словам Бердзенишвили, мы должны привыкнуть к осторожным отношениям, а затем наращивать экономическое сотрудничество и контакты. Грузия должна быть безопасной страной для Абхазии, где возможностей будет больше, чем у них сегодня.

3. На фоне российско-украинской войны есть ли у Грузии возможности трансформации конфликтов и сотрудничества с де-факто регионами?

Политики расходятся во мнениях относительно того, существуют ли ресурсы для сотрудничества с де-факто регионами в данном геополитическом положении, однако большинство считает, что это окно возможностей для трансформации этих отношений.

По словам Теоны Акубардия, в сложившейся внутриполитической реальности, когда нет политической воли, меньше возможностей работать над этими темами. Для трансформации конфликтов необходимы политическая воля и консенсус, к чему внутренняя работа сегодня не приводит. Гегелия также считает, что шансы на ослабление России высоки, в том числе экономически, что и является ресурсом для правильного использования в этой геополитической ситуации. Он считает, что при высокой зависимости конфликтных регионов от России у грузинской стороны должны быть для них предложения. Гегелия считает, когда у людей есть свободный выбор, они выбирают благополучие. Депутат Георгий Ходжеванишвили также разделяет мнение, что в создавшемся геополитическом контексте появилось окно отношений с де-факто регионами.

Гига Бокерия скептически относится к сотрудничеству с де-факто регионами, заявляя, что пока Россия играет решающую роль, диалог с этими регионами не имеет смысла. Бокерия выражает надежду, что из-за войны в Украине Россия столкнется с экономическими трудностями, что отразится на ресурсах, выделяемых конфликтным регионам. Однако этого будет недостаточно, чтобы заставило эти регионы вести переговоры против России. С другой стороны, он считает, что диалог невозможен, пока в Абхазии господствуют этнофашистские взгляды. По словам Бокерия, решение только в том, чтобы *«показать, как мы относимся к другим этническим народам, как мы строим государство. Это не принесет немедленных результатов, но это единственно правильная модель того, как может развиваться наше государство».*

Скептически настроена и Хатия Деканоидзе, которая считает, что пока у России есть рычаги управления этими регионами, вести с ними реальный диалог будет невозможно. Она считает, что в дипломатии на международном уровне есть окно возможностей, и мы им не пользуемся.

4. Каким было бы ваше открытое обращение как грузинского политика к населению Абхазии и Южной Осетии?

Подавляющее большинство опрошенных политиков считают, что конфликт может быть урегулирован только мирным, ненасильственным путем. Несмотря на расхождения во мнениях о причинах конфликта, стратегиях и путях Мирной политики, все политики имеют миротворческий посыл для абхазского и осетинского обществ.

Теона Акубардия заявляет, что приверженность мирному урегулированию конфликтов в Грузии взята с самых высоких международных трибун, как со стороны "Национального движения", так и со стороны правительства "Грузинской мечты". Она считает, что *"когда российский фактор будет нейтрализован, мы должны быть готовы восстановить отношения с людьми, живущими за разделительной линией"*.

Григол Гегелия также разделяет это мнение и заявляет, что *«у мира нет альтернативы. У обоих регионов есть один реальный шанс добиться своей идентичности, процветания и мира, а именно идти вместе с Грузией по правильному пути к процветанию, миру, Европе и НАТО. Я уверен, что наши соотечественники в Абхазии и Цхинвали на этой стороне, поэтому смотрю на очень сложный и очень длительный конфликт с оптимизмом, думаю, что здравый смысл в итоге победит».*

Гига Бокерия заявляет, что идти с Россией — это тяжелая ошибка, которую совершают эти регионы, а значит — отсутствие перспектив для будущих поколений. Он считает, что только на условиях гражданского контракта с Грузией можно сохранить свою идентичность и создать нормальные условия жизни.

Ходжеванишвили также открыто заявляет об исключении силовых методов и выражает желание создать такую платформу, которая позволит противоборствующим народам мирно сосуществовать.

Хатия Деканоидзе также считает, что для населения Абхазии и Южной Осетии Россия — это прошлое, и отождествление с ней означает потерю собственной идентичности и означает, что следующее поколение может стать соучастником тяжких преступлений, совершенных Россией. *«Будущее не на стороне России, они должны это понимать»*, — говорит Деканоидзе.

Итог

Интервью с политиками показали, что все они выступают только за мирное решение проблемы и признают недопустимость применения силовых методов. Они также согласны с тем, что с точки зрения Мирной политики ситуация кризисная и реальность зашла в тупик, что требует начала работы над общественно-политическими договоренностями внутри грузинского общества. Все политики разделяют решающую роль России в процессе формирования политики Грузии в отношении конфликтных регионов, хотя некоторые из них считают, что помимо российского фактора грузинская сторона должна начать существенный диалог с политическими лидерами Абхазии и Цхинвальского региона и работать над вопросами политического урегулирования конфликтов, а также смягчения существующих гуманитарных правовых кризисов.

Однако другая часть политиков считает, что российский фактор настолько решающий, что, пока его влияние на эти регионы не ослаблено, нет смысла в диалоге по политическим вопросам. Эта группа политиков также не рассматривает Абхазию и Цхинвальский регион как стороны конфликтов, с которыми возможен и необходим политический диалог. Политики, выступающие за это мнение, видят главный выход в нейтрализации России, и только тогда можно будет достичь политического согласия путем диалога.

Большинство политиков не говорит о необходимости деизоляции Абхазии и Цхинвальского региона и о двусторонних правовых и гуманитарных измерениях конфликтов как необходимых компонентах укрепления доверия и трансформации конфликтов, а акцент делается в основном на международном измерении этих конфликтов. Это предполагает сокращение и ослабление влияния России на территории Абхазии и Цхинвальского региона, деоккупацию этих регионов и только после этого политическое урегулирование конфликтов на основе двустороннего диалога.

Большинство политиков согласны с необходимостью гражданского диалога, и все они поддерживают укрепление проектов двустороннего сотрудничества и новых инициатив для людей, живущих за разделительной линией.

«Центр социальной справедливости» стремится начать дискуссию и усилить общественный интерес в абхазском, осетинском и грузинском обществах к Мирной политике и ее вызовам. Мнения, высказанные в статье, принадлежат только опрошенным политикам. Мнения, представленные здесь, специально изложены в нейтральных терминах, чтобы облегчить выстраивание путей диалога с абхазским и осетинским обществами.